

УДК 94(73):273.4(092)

**ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ ДЕВЕРО ДЖАРРАТТА:
ПРИМЕР АВТОБИОГРАФИИ ВРЕМЕН КОЛОНИАЛЬНОЙ
И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВИРГИНИИ**

Востриков П.В.

В статье рассматривается жизненный путь Деверо Джарратта (1733-1801) – англиканского священника из Виргинии колониальной и революционной эпохи. Его автобиография отражает представления колонистов о многих сторонах общественной и культурной жизни. Жизненный путь Джарратта был необычен для своего времени тем, что он сумел преодолеть социальные барьеры, отделявшие класс простых йоменов от представителей правящей прослойки и приобщиться к книжной культуре. Джарратт был активным проповедником в ходе Великого пробуждения (1740-1790) – обновленческого движения в протестантской среде, он запечатлел многие значимые явления, характерные для состояния Англиканской Церкви, а также деятельности пресвитериан, методистов и баптистов.

Ключевые слова: Англиканская Церковь, методизм, пресвитериане, баптисты, проповеди, Великое пробуждение, ревайвелизм, колониальный период, организация школ.

**DEVEREUX JARRATT'S SPIRITUAL SEARCH:
AN EXAMPLE OF AUTOBIOGRAPHY IN COLONIAL
AND REVOLUTIONARY VIRGINIA**

Vostrikov P.V.

This article is about the life story of Devereux Jarratt (1733-1801), an Anglican clergyman from colonial and revolutionary Virginia. His autobiography reflects the colonists' views on many features of social and cultural life. The progress of his life was quite unusual for that period as he was able to overcome social barriers separating simple yeomen from the ruling elite, and he became a man of book culture. Jarratt was an enthusiastic preacher in the times of Great Awakening (1740-

1790), a protestant of revival movement; in his writings he preserved memories of many important events and tendencies in the state of Anglican Church as well as activities of Presbyterians, Baptists and Methodists.

Keywords: Anglican Church, Methodism, Presbyterians, Baptists, sermons, Great Awakening, revivalism, colonial period, school formation.

Деверо Джарратт был настоятелем англиканского прихода Бат в графстве Динвидди в Виргинии, влиятельным проповедником Англиканской Церкви в ходе Великого пробуждения – ревайвелистского (возрожденческого) христианского протестантского движения во второй половине XVIII столетия. Будучи англиканином, симпатизируя методизму, он с недоверием относился к проявлениям крайнего энтузиазма и сторонился баптистов. С другой стороны, его деятельность выходила за рамки деятельности большинства англиканских священников, воспринимавшихся различными диссидентами не более, чем церковные бюрократы [12].

Среди исследователей колониального периода американской истории имя Деверо Джарратта широко известно. Он примечателен своим восхождением по социальной лестнице от йоменов (отец его был плотником и фермером) к джентльменам, что отражено в его автобиографии «Жизнь Деверо Джарратта», из которой довольно часто цитируемым историками местом является пассаж о его социальном происхождении, открывающий нам редкую возможность оценить восприятие правящего класса представителем простого народа: «Никто из моих предков ни с какой стороны когда-либо был богатым или великим, но все они были честными и трудолюбивыми людьми, тем они и жили и заслужили уважение своих соседей, избегая нужды... И мои родители держались тех же привычек. У них было в достатке простой и здоровой пищи, простой одежды, приличной их состоянию... Мы никогда не пили чая или кофе... Мясо, хлеб и молоко – это была обычная пища среди всех моих знакомых. Мы привыкли смотреть на тех, кого называют джентльменами как на "верхи"... Таковы были общие представления о различиях между простыми

людьми и джентльменами». В конце жизни он приводил пример того, как мальчиком он опасался джентльменов, то есть людей, носящих парики: «Мы привыкли смотреть на джентльменов как на представителей высшего класса. Лично я довольно стеснялся их и держался на расстоянии. Парик в то время был отличительным признаком джентльмена. Когда я видел человека в парике, проезжающего верхом мимо нашего дома, я исполнялся таким тяжелым чувством, таким страхом, что я сразу убегал прочь, как бы опасаясь за свою жизнь» [9, р. 14-15].

Юный Деверо был воспитан своими родителями в англиканской вере, которые сами наставляли его в изучении катехизиса. Они стремились привить своим детям основные навыки чтения и арифметики, их самым большим желанием было избрание их детьми честного и трудолюбивого образа жизни и достойной профессии. После ранней смерти своих родителей ему не удалось получить систематическое образование, и знания он приобретал урывками. Деверо подолгу трудился в поле, выполнял разнообразные работы по хозяйству, а в свободное время увлекался обычными вещами, популярными в Виргинии. Он подражал старшим братьям и товарищам: ухаживал за скаковыми лошадьми и бойцовыми петухами одного из братьев, ему был свойственен азарт болельщика, он не был чужд танцев и веселых вечеров [16, р. 48-49]. По воспоминаниям самого Джарратта, в молодые годы он был весьма никчемным и распутным юношей. Но скорее всего, эта была слишком строгая самооценка при взгляде постаревшего евангелиста на свою юность. В то время он почти не посещал церковь, находившуюся в трех милях от их дома, а если и бывал там, то это приносило ему мало пользы, поскольку «местный пастор был неспособен к проповедям, он не мог даже привлечь внимание собрания. Будучи очень близоруким, он не проповедовал, а просто читал, причем взгляд его был прикован к листу бумаги и так близко, что он, казалось, обращался к кушетке, а не к прихожанам» [9, р. 21-22].

Тем не менее, молодой человек демонстрировал способности к учению, прекрасную память и запоминал целые библейские главы, воспринимая их на

слух, еще до того, как ознакомился со всеми буквами алфавита. Он также знал много песен и охотно пел. Его пример является также иллюстрацией достаточно редкого в то время явления перехода от устной культуре (в которой важнейшую роль играла способность к запоминанию) к книжной, а, следовательно, эта трансформация приближала Джарратта к миру джентри, которого он так опасался [11, р. 127-130]. Несмотря на печальные неблагоприятные обстоятельства своего детства, и во многом благодаря способностям и усердному самообразованию, Джарратт стал достаточно начитанным и многообещающим юношей и смог оставить работу на ферме, а затем и ремесло плотника, и попробовать себя в качестве домашнего учителя. Старшие братья Деверо избрали себе профессии плотника и мельника, по семейной традиции, как «честного призвания, чтобы в поле лица зарабатывать на хлеб» [9, р. 17]. А Деверо стал известен в своей округе благодаря своим познаниям, так что некоторые даже стали пророчить ему будущее человека книжного.

В возрасте девятнадцати лет он попросил лошадь у старшего брата и совершил довольно долгое путешествие длиной в сто миль из родного графства Нью-Кент вглубь Виргинии, где какое-то время учительствовал в графстве Албемарл по приглашению некоторого Муна, организовавшего частную начальную школу, также уроженца Нью-Кента, управляющего имением полковника Ричарда Кока. Население нового графства, образованного в 1744 году, было немногочисленным, у Джарратта учеников также было немного. Он испытывал материальные трудности, но жизнь в приграничном районе манила перспективой оставить образ жизни, который был не очень ему по душе.

Это первое его в жизни путешествие вглубь фронта стало началом и долгого духовного пути. В этот период жизни началось его духовное пробуждение, правда, по его словам, вопреки окружающей его атмосфере, где народ был равнодушен к учению, а воскресенья проводилось преимущественно в спортивных забавах. Один из гостей семьи Мунов оставил им экземпляр проповедей знаменитого Джорджа Уитфилда, произнесенных в Глазго [16, р.

50]. Этот томик был первой протестантской книгой, попавшей ему в руки. Впрочем, это чтение не произвело глубокого впечатления на Деверо, во многом, как он считал позднее, то был результат предубеждения, ведь Уитфилд принадлежал к «новой волне» проповедников (*New Lights*), а, следовательно, не мог иметь доверие у церковного человека [9, р. 28-29]. В семье Муна с иронией относились к ревайвелизму, считая при этом себя церковными людьми. Они воспринимали только ту размеренную манеру проповеди, что была свойственна традиционному виргинскому англиканизму. Также Джарратт признавал, что он не был способен хорошо понимать прочитанное, но в результате этого чтения у него уже возникло смутное чувство неудовлетворенности образом жизни, который вели он, семья Мунов и жители Виргинии в целом. Он к тому же серьезно заболел малярией и провел в горячке девять месяцев, часто рыдал во время приступов и тосковал по дому. Школа его едва могла существовать, здоровье было подорвано, но он не вернулся в Нью-Кент, а переехал в дом Авраама Чилдерса в Албемарле и надеялся провести год в своей маленькой новой школе. Здесь он вновь предался забавам и веселью, но финансовое положение его было еще хуже, чем у Муна. Несмотря на это, Деверо не оставлял свои надежды об открытии школы в Виргинии и предпринял еще одну попытку, на этот раз в доме достаточно богатого джентльмена, по имени Кэннон.

По настоянию хозяйки дома Джарратт усердно изучал евангельские тексты и проповеди Джона Флавела, пресвитерианского богослова XVII века. Для молодого человека наступил период тяжелой внутренней борьбы, который продолжался несколько месяцев [9, р. 33-34]. Жена Кэннона была сторонницей ревайвелизма. Она была женщиной очень строгих правил, серьезной, но приятной, и в результате общения с этой пресвитерианской семьей, после нескольких недель «томлений, греха и покаяния» Джарратт и испытал духовное пробуждение, свой первый значительный религиозный опыт. Он стал более глубоким и вдумчивым и предавался духовным размышлениям. Он забросил

танцы, скачки, карты и другие подобные увлечения. Хозяйка дома была столь обрадована этим переменам, что попросила остаться его на год.

Тем временем Джарратт получил приглашение от Муна, обещавшего организовать класс на двенадцать учеников. В доме Муна отметили произошедшие в нем перемены и с доброй насмешкой отнеслись к его воздержанию от участия в вечеринках и других развлечениях. Но последующий его визит к братьям, однако, закончился для него возвратом к старому, о чем он весьма жалел.

Проблемой было отсутствие книг и наставника в течение долгого времени. Джарратт подробно описал первую книгу, которую он приобрел – потрепанный томик семи проповедей Уильяма Рассела [9, р. 39]. Постепенно Джарратт начал расширять круг чтения и знакомств, продолжая учительствовать, за год освоил знания основы греческого языка и латыни. В отсутствие приходского священника он проводил собрания, читал и руководил песнопениями и со временем начинал думать о карьере пресвитерианского священника. Так как свой первоначальный серьезный духовный опыт Деверо приобрел среди пресвитериан, он имел некоторые предубеждения против Англиканской Церкви. Но в дальнейшем он познакомился с трудами и деятельностью Джона Уесли, лучше узнал Уитфилда, увидел в них «неустанных и самых усердных тружеников» и решил остаться в англиканстве для того, чтобы проводить ревайвелистскую реформу в ней. Его любимым автором стал Джеймс Херви, входивший в кружок Уитфилда [6, р. 49].

Джарратт оставил преподавание, продал свое имение в триста акров, доставшееся ему в свое время по наследству, получил необходимые документы от губернатора и представителя (комиссара) лондонского епископа в Виргинии Уильяма Робинсона и отправился в Англию в 1762 году, для того, чтобы стать священником [9, р. 55]. Для многих коренных виргинцев карьера приходского священника давала шанс стать «джентльменом по профессии». Также как и в Англии, священниками часто становились дети священников. Среди виргинского духовенства мы не встречаем представителей ведущих семейств:

Рэндольфов, Пейджей, Бёрдов, но подобную стезю избирали многие сыновья судей, клерков, шерифов и других выходцев из среднего класса [15, p. 135]. Путешествие Джарратта в Англию для рукоположения было обычной практикой в колониальный период – Англиканская Церковь в Америке не имела своего епископа, и обряд посвящения всегда проходил в Англии.

В Лондоне он успешно сдал свои канонические экзамены и стал сначала дьяконом, а через неделю – священником. Когда он несколько дней ожидал свой корабль, он имел возможность услышать выступления как Уесли, так и Уитфилда, но получил, по собственному признанию, мало действительной пользы.

Деверо вернулся в Англию через девять месяцев и женился на Марте Клэрборн, которая она происходила из влиятельной семьи, и ее приданое (640 акров земли и 24 черных раба) способствовало финансовой независимости ее супруга. Джарратт получил приход в местечке Бат, где обнаружил для себя непочатый край работы: «Я встретил среди своих прихожан трудности понимания божественных предметов, но вместе с тем твердую их моральную уверенность в своей правоте. Затем я начал проповедовать о необходимости обращения, покаяния, о склонности к греху. И я не превозносил добродетель, которой они хвалились, будучи весьма удовлетворены своим духовным состоянием, не понимая той опасности, в которой они находились» [9, p. 83-84]. Они сказали ему, что у них было много пасторов до него, но «никогда они не слышали об обращении и других подобных вещах». Про нового священника они говорили, что «он высказывает странные вещи для наших ушей» [9, p. 85]. В своих спонтанных эмоциональных проповедях Джарратт обрушивался на мир, на похоть и на дьявола, стараясь вызвать в воображении ужасные картины воздаяния для грешников.

То время было пиком Великого пробуждения, временем странствующих проповедников. Именно в XVIII веке возникла эта особенная форма адогматического американского христианства. В колониальные времена подобные традиции соответствовали условиям жизни и характеру воспитания

людей, живших в эпоху освоения обширных пространств североамериканского континента. Это была «приграничная религия» со своими простыми и искренними формами богослужения, а также с убежденностью, что именно искренность прокладывает дорогу к небу [17, р. 352]. Для экзальтированных, театрализованных проповедей подобного рода был характерен акцент на необходимости «нового рождения как факта субъективного религиозного опыта», свидетельство которого могло быть получено только от самого верующего. Меньше внимания уделялось отвлеченной теологии, больше – этике и эмоциям, что на практике приводило к расколам устоявшихся форм протестантизма и появлению многочисленных сект [2, с. 53-54].

К особенностям Великого пробуждения в Виргинии следует отнести столкновение интересов правящей элиты в лице джентри и клира господствующей Англиканской Церкви (*Old Lights*) с одной стороны, и представителей инакомыслия (*New Lights*) – пресвитериан нового толка, баптистов, методистов – с другой. Джарратт принадлежал к «новопросветленным», и его случай является достаточно уникальным, ведь он принадлежал официальному истеблишменту. В Виргинии движение ревайвелизма имело три волны: пресвитерианскую, баптистскую и методистскую и завершилось вполне к началу 1790-х годов. По мере распространения колонизации получил развитие и новый тип культуры, отличный от приливной (исконной) Виргинии. Люди границы представляли собой пеструю смесь из немецких, шотландских, ирландских поселенцев, а также виргинцев, продвигавшихся на новые территории, не имеющих возможности иметь землю в восточных графствах [8, р. 41-43]. Иерархические связи слабели по мере продвижения переселенцев на Запад. Пресвитерианская церковь была доминирующим религиозным институтом в этой среде, где в 1740-е годы началось Великое пробуждение как массовое движение. В то же время многие свидетели указывали на формализованный характер литургии, проповеди в Англиканской Церкви, что вызывало последующий протест среди

раскольников, требующих более глубокого и ревностного участия в религиозной жизни [5, p. 31-34].

Таким образом, своими стараниями Джарратт начал менять самосознание прихожан, но в 1765 году «сила Божья еще коснулась лишь немногих». А в 1770 и 1771 годах «было значительное излияние духа». Проповедуемое слово было встречено с таким вниманием и энергией что многие были потрясены до глубины души, слезы покаяния обильно бежали по лицам слушателей, некоторые делали над собой усилие, чтобы сдержать крики. «Собравшихся было много в этом году, в моем приходе, а также во многих соседних» [9, p. 127].

Джарратт был сильно воодушевлен таким успехом и стал осуществлять свой план действий. Инициативы, подобной его предприятую, еще не никогда не было в Виргинии: он в любое время дня и ночи отправлялся верхом по дорогам провинции и заходил в дома для проповеди, беседы, молитвы и песнопений. Такая деятельность приносила даже больше новообращенных, чем проповеди в церквях, но, с другой стороны, вызвала негативный отклик среди многих его коллег, которые не принимали его рвения и называли его «энтузиастом», что имело неодобрительный оттенок, а также «раскольником, фанатиком, сумасшедшим», что было еще хуже [9, p. 86]. Но проповеди Джарратта продолжали иметь успех, и в Бате появились новообращенные, после чего он продолжил странствовать по Виргинии и некоторым районам Северной Каролины, а незнакомые люди распространяли новости о его проповедях, последовало еще множество приглашений. Он соглашался, и вскоре его деятельность стала походить на проповеди Уесли в Англии [6, p. 74]. Хотя какие-то церкви были закрыты для него, другие не вмещали всех желающих. Тогда он проповедовал на открытых площадках. Несмотря на свои поездки, протяженность которых доходила до пятисот миль, Джарратт редко пропускал воскресное богослужение в трех церквях своего собственного прихода [9, p. 96].

Методисты, поначалу являясь движением в англиканстве, заявили о себе в Виргинии в предреволюционный период. Первые методисты на американской земле появились в Саванне, Джорджия, приняв приглашение губернатора Оглторпа, который надеялся, что молодые харизматичные проповедники согласятся стать руководителями жителей колонии [1, с. 41]. Скоро они развили активную деятельность по всей Америке, противопоставляя Евангелие рационализму и модному деизму, начиная уже не просто проповедовать среди негров, но и бороться против рабства. Распространялся методизм при помощи полевых собраний «страждущих и обремененных» духом, которые могли занимать целый день.

В 1771 году Роберт Уильямс начал методистскую проповедь в Виргинии, впервые выступив на ступеньках здания суда в Норфолке. Он собрал любопытных прохожих, когда начал исполнять духовные песнопения. Выступление Уильямса сопровождалось грубыми выкриками из толпы – многие думали, что проповедник был безумен, как подчеркивал Джарратт, ибо они никогда не слышали, что бы в проповеди звучали такие слова, как «ад» и «дьявол», что так часто употреблял он, и добавил: «Они еще пришли к выводу, что проповедник был злым хулителем, хотя иногда им казалось, что он говорил о Евангелии» [6, р. 55]. Через год Уильямс встретился с Деверо, и последний описал его как человека «простого, благочестивого, доброго, наделенного способностью обнаруживать притворство и лицемерие, а также разрушать прежние представления и вызывать потребность у верующих в спасении от остатков греха» [9, р. 107-108]. Уильямс и Джарратт беседовали о Уесли и вообще о методистах и Джарратт узнал для себя, что «методисты были подлинными членами Англиканской Церкви, что их намерения были выстраивать Церковь, а не разрушать ее, а проповедники не исполняли обязанности священников и не совершали обряда крещения и причастия, но всегда полагались в этом на приходских священников. Они странствовали, чтобы обратить грешников к покаянию и старались начинать разговор на религиозные темы для взаимного наставления... Мистер Уильямс также

подарил мне также несколько методистских книг, я ознакомился с записями некоторых их конференций» [9, р. 108]. Таким образом, Джарратт получил представление о методистах как о сообществе ревнителей веры, существующем в англиканстве. Убедившись, что у них нет вражды к Церкви, он поощрял их деятельность и стал сотрудничать с ними. Он позволял некоторым методистам проводить проповеди у себя в сарае, но никогда – в своей церкви, время от времени он приходил на их собрания и выступал там. Джарратт даже присоединился к ним и стал активным участником новой волны пробуждения.

Несколько сот виргинцев испытали опыт обращения, когда известия о собраниях Джарратта распространились по округе [9, р. 97]. А к 1778 году методисты утверждали, что уже четырнадцать графств испытали на себе их влияние. Это волна пробуждения оживленно обсуждалась повсюду в то время, тогда как «несчастные ссоры между Англией и колониями, которые прежде были темой для разговора, в большинстве компаний были забыты», – свидетельствовал один методист [7, р. 189]. Атмосфера на таких полевых собраниях была, как обычно, очень эмоциональной: «некоторые рыдали от горя, другие кричали от радости, так что эти крики были слышны на расстоянии». Иногда кающиеся могли находиться в часовне всю ночь в пении и молитвах. Порой собрания походили на невообразимый хаос, и несколько человек пытались одновременно выступить перед другими собравшимися, некоторые падали в транс. Джарратт, несмотря на негативные характеристики многих англиканских пасторов, был евангелистом весьма умеренным, и его самого подобные проявления религиозного рвения приводили в ужас: «это, скорее, пьяная толпа, а не собрание боголюбцев» [4, р. 217]. Но, тем не менее, он принимал такой высокий энтузиазм как некое нежелательное, но неизбежное побочное явление [6, р. 55].

Та волна энтузиазма также была отмечена собраниями, где присутствовали как белые, так и негры. Один странствующий проповедник, Томас Ранкин, свидетельствовал: «народ сотнями валился на землю, весь дом, казалось, трясся от божественного присутствия» [4, р. 227; 13, р. 243]. Сотни

негров посещали собрания, хотя «белые были в часовне, тогда как негры стояли на улице и слушали у окон» [4, р. 226]. Методисты подсчитали, что до начала этого движения их церкви в области Чезепикского залива насчитывали 2600 членов, то в 1776 году прибавилось еще 1800. Первый епископ Методистской Церкви в Америке Френсис Эсбери писал в 1781 году, что именно благодаря служению Джарратта большинство виргинцев примкнули к методистам [4, р.229]. Методистская волна пробуждения дошла даже до Англии, несмотря на политическое и военное противостояние. Книга Джарратта, посвященная методистскому пробуждению была издана в Англии в 1778-1779 годах, пользовалась популярностью и выдержала четыре издания.

Со временем волна ревайвализма пошла на спад. О Джарратте стали ходить слухи, что он использовал свою деятельность для обогащения, на что он отвечал: «Во всех моих странствиях и проповедях до революции, я никогда не получал и фартинга, за исключением тех случаев, когда я предпринимал замещение вакантного места в каком-нибудь приходе, но такие случаи были крайне редки: однажды я получил вознаграждение около десяти долларов в Южной Каролине. Поминальные службы я обычно проводил бесплатно, свадьбы были незначительны» [9, р. 121-122]. Эти безобразные слухи, однако, сумели навредить его репутации в собственном приходе: «Вместо наполненных церквей, как прежде, я редко имею по воскресеньям более ста пятидесяти слушателей, чаще всего не набирается и половина от этого количества. Причастников стало меньше раз в десять, любовь и гармония ушли» [9, р. 123].

В том, что участников собраний стало меньше, сказались так же и влияние баптистов. Таковых имелось несколько групп. Первые баптисты были известны как регулярные баптисты, а между 1750 и 1760 годом последовали «сепаратисты». У последних возникали разногласия с методистами и пресвитерианами по поводу некоторых практик Англиканской Церкви, в частности, крещения младенцев. Священники англиканизма подвергались резкой критике... Хотя внешним образом их манера проповеди не слишком отличалась от проповедей других «энтузиастов»: «Баптисты вошли в этот

скучную и формализованную атмосферу с проповедью обновления. Их проповеди были не похожи на рационализм англиканских богословов, они были пламенными энтузиастами... Более бедные люди, до которых не могли прежде достучаться англикане, были потрясены до внутренних глубин странствующими баптистскими проповедниками... пытавшимися воссоздать атмосферу апостольского века... Новая религия стала восприниматься как единственно правильная форма христианства, недостойное служение прежних пасторов стало легендой» [6, p. 59].

К Джарратту эти «новые просветленные» не испытывали теплых чувств, «по их упрямому убеждению в необходимости крещения взрослых, их постоянным спорам по данному предмету, они повредили веру некоторых... Следствием этого было полное отделение от Церкви...» [9, p. 119-120]. В этот период и методисты стали оформляться в отдельную от Англиканской Церкви деноминацию. После конференции 1779 года более опытные проповедники стали проводить таинства, крестить и рукополагать, что являлось уже разрывом с англиканством. События Американской революции вызвали потрясения в той сфере, что называли официальным религиозным истеблишментом в Виргинии, появился статут о свободе вероисповедания, а Англиканская Церковь в Америке в связи с разрывом с метрополией перестала существовать в прежнем виде и была преобразована в Англиканскую Епископальную Церковь. Южные баптисты и методисты стали самыми многочисленными деноминациями. Джарратт остался верен старым англиканским традициям, потому он и разошелся с баптистами и методистами.

Джарратт был активным сторонником американской независимости, словом и примером он убеждал своих прихожан быть бережливыми, трудолюбивыми, готовыми скорее терпеть материальные неудобства и лишения, чем видеть лишение своих гражданских прав. Но англиканский церковный истеблишмент Виргинии на его глазах приходил в упадок. Многие церковные здания были закрыты или пришли в запустение [14, p. 474-475]. Джарратту довелось присутствовать на конференции в 1790 году, на которой

Джеймс Мэдисон (тезка и кузен четвертого президента США), ректор Колледжа Уильяма и Мери был избран первым епископом Виргинской епархии Епископальной Церкви.

Джарратт имел большой успех в своей миссионерской деятельности в 1770-е годы, но в дальнейшем он оказался не у дел и даже в некоторой изоляции по причине споров и методистскими пасторами, а также из-за проблем со здоровьем. У него был рак. Он как-то описал свое состояние словами из псалма: «Не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле» [10, p. 79]. Но все же он сохранял благодушное отношение к своим невзгодам, продолжал свое служение до конца своих дней и имел большую любовь к церковной службе. В это время, в 1794 году, Джарратт и приступил к написанию автобиографии. Хотя, скорее, он не ставил себе такую цель, в отличие от Франклина или Джефферсона. Джарратт написал пять писем с рассказом о себе одному из своих последователей, священнику Джону Колеману из Мэриленда, на которого это жизнеописание произвело глубокое впечатление. Из собрания этих писем и была впоследствии составлена «Жизнь Деверо Джарратта». Письма по своему содержанию условно можно разделить на три группы, каждая из которых соответствовала какому-нибудь этапу его жизненного пути [3, p. 350].

Деверо Джарратт отошел в мир иной 29 января 1801 года. Поминальная проповедь была произнесена его старым другом, методистским епископом Френсисом Эсбери: «Он был верным и успешным проповедником, был свидетелем четырех или пяти движений возрождения религии в своем приходе. Когда он начинал свои труды, не было еще ни одного такого проповедника в Виргинии. Он путешествовал в разные уголки Виргинии в пределах пятидесяти миль от своей церкви, он проповедовал Слово в молитвенных домах и на плантациях. Он был первым, кто принял наших презираемых и гонимых служителей... Я верю, что сотни люди были открыты для новой жизни, благодаря ему. Они разошлись, кто куда: некоторые ушли в Джорджию и

Каролину, другие отправились на запад, кто-то, возможно на небесах, кто-то, может быть, в аду» [6, р. 64].

Жизнь Деверо Джарратта дает пример социальной мобильности от «простых» к «джентльменам», некоторые историки полагают одним из примеров человека, который «сделал себя сам» [15, р. 137-138]. Это пример социальной одиссеи, борьбы и надежды человека, который находился в постоянном поиске. Личность Джарратта стоит особняком, никаким образом не вписываясь в стереотипные представления о Старом Доминионе, столь лелеемые консервативными историками XIX столетия. Он восстал против норм и стереотипов социальной иерархии, сухого рационализма англиканского истеблишмента и преодолел социальные барьеры в достижении своих целей. Очень часто ему не удавалось встречать понимание окружающих. Как писал Дуглас Адэр, ему приходилось «бороться за свое интеллектуальное выживание... это был тяжелый опыт, оставивший много душевных ран» [3, р. 347]. Конечно, его женитьба немало способствовала улучшению его социального положения. Но это обстоятельство не умаляет силы его любознательности, искреннего стремления к познанию истины.

Список литературы:

1. Никитин А. Методизм и православие. СПб., 2001.
2. Фурман Д.Е. Религия и социальные конфликты в США. М., 1981.
3. Adair D. The Autobiography of Devereux Jarratt, 1732-1763. Notes and Documents // *The William and Mary Quarterly*. 1952. Vol. 9. No. 3 (July). P. 346-393.
4. Asbury F. Journal of Rev. Francis Asbury, Bishop of the Methodist Episcopal Church. NY, 1852. Vol. 1.
5. Bond E.L. Spreading the Gospel in Colonial Virginia // *Preaching Religion and Community: With Selected Sermons and Other Primary Documents*. NY, 2005.
6. Chorley C.E. The Reverend Devereux Jarratt, 1732-1801 // *The Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church*. 1936. Vol. 5. No. 1 (March). P. 47-64.

7. Dixon J. Methodism in America: A Personal Narrative of the Author, During a Tour through a Part of the United States and Canada. London, 1849.
8. Gewehr W. Great Awakening in Virginia. Durham, 1930.
9. Jarratt D. Life of Devereux Jarratt. Baltimore, 1806.
10. Jarratt D. Thoughts on Some Important Subjects in Divinity: In a series of Letters to a Friend. Baltimore, 1806.
11. Isaac R. Transformation of Virginia, 1740-1790. Chapel Hill, 1982.
12. Kidd T.S. Devereux Jarratt [Электронный ресурс] // Encyclopedia Virginia [сайт]. 23.03.2014. URL: <https://goo.gl/2tWgMp> (дата обращения: 15.12.17).
13. Kidd T.S. The Great Awakening. The Roots of Evangelical Christianity in Colonial America. New Haven, 2007.
14. Mead W. Old Churches, Ministers and Families in Virginia. Philadelphia, 1861. Vol. 1.
15. Nelson J. A Blessed Company. Parishes, Parsons, and Parishioners in Anglican Virginia, 1690-1776. Chapel Hill, 2001.
16. Rohrer S.S. Wandering Souls. Protestant Migrations in America, 1630-1865. Chapel Hill, 2010. P. 48-49.
17. Taylor A. American Colonies. NY., 2001.

Сведения об авторе:

Востриков Павел Вячеславович – соискатель кафедры всеобщей истории Курского государственного университета (Курск, Россия).

Data about the author:

Vostrikov Pavel Vyacheslavovich – graduate student of General History Department, Kursk State University (Kursk, Russia).

E-mail: Sortavala2015@inbox.ru.